

Глава 1.8. Первый семейный ужин. Начало

Госпожа Сяо уже давно так не веселилась. Когда Чэн Ши возвратился в комнату, она увидела на виске у мужа шишку, разползшуюся и на верх лба, после того, как она расспросила его подробно, женщина внезапно вышла из себя. Схватила деревянный лакированный винный кубок и кинула в него, таким образом у главнокомандующего Чэна, на второй стороне лба, у виска, появилась еще одна шишка, так удачно составившая пару первой.

В ту же ночь Чэн Ши, дождавшись момент, когда у матушки Чэн развеялся гнев, отправился в ее комнату, чтобы показать матери пару симметричных шишек на лбу. В итоге с помощью актерского мастерства, не проявленного средь бела дня, мать и сын в конце концов помирились - все же между ними была сильная привязанность.

Следующим шагом было укрепление своих позиций на поле боя.

Сначала Чэн Ши привел пожилую седовласую женщину, весь облик которой говорил о том, что она всю жизнь тяжело работала, но, только завидев ее, матушка Чэн расплакалась навзрыд. В прошлом, в годы расцвета семьи Дун пожилой господин Дун нанял нескольких крестьян-арендаторов, а эта пожилая женщина и была когда-то дочерью помогавшего семье Дун крестьянина. Матушка Чэн выросла, играя с ней в деревне, между ними сложились дружеские отношения как между старшей и младшей сестрой, в дальнейшем материальное состояние семьи с каждым днём становилось всё более и более сложным, и пожилой господин Дун, не имея другого выбора, распустил работавших на него крестьян.

Госпожа Сяо, всегда имевшая большое количество планов, следуя в карательных походах повсюду за мужем, все время обращала внимание и разыскивала в те годы сородичей и земляков, ставших беженцами и рассеянных по всем сторонам света, собственно говоря, она полагала возможным разыскать местоположение некоторых далеких родственников семьи Дун и протянуть им руку помощи. В результате не было никаких новостей, очевидно, что люди из клана Дун или в самом деле погибли или рассеялись так, что найти их было почти невозможно.

Известность Чэн Ши в военных походах в итоге росла день ото дня, и однажды к ним в дом самостоятельно пришла пожилая женщина, носящая фамилию Ху. Так уж совпало, в прошлом эта старая женщина Ху вышла замуж, и вслед за мужем покинула деревню, у матушки Чэн только-только родился Чэн Ши, как раз ему тогда дали имя, если бы этот воин был каким-то другим представителем семьи Чэн пожилая женщина Ху едва ли бы осмелилась подойти и признаться в знакомстве.

Госпожу Сяо внезапно осенило, что она может попридержать их как редкий товар, и немедленно удобно разместила тяжелораненого сына и тяжелобольного внука бабушки Ху и позже всех вместе привезла в столицу. Изначально, после возвращения домой Чэн Ши намеревался сразу же привести с собой бабушку Ху, однако госпожа Сяо убедила его не делать это, и они договорились осуществить свой план в четыре этапа.

-Свекровь является старшей в семье, не нужно господину идти в поход против нее как на

противника и, опустив молот, смертельно ее ранить, не учитывая, что достаточно и того, что есть, чтобы одержать победу, – с легкой улыбкой сказала госпожа Сяо. – Будем все делать медленно. Прежде пусть свекровь выпустит весь свой гнев, который она десятилетие держала в узде, господин, ведь между матерью и сыном должна пройти обида. А потом еще раз познакомим состарившихся сестричек, только в этом случае возможно все образуется само собой и окупится с лихвой.

У матушки Чэн и впрямь случилась неожиданная радость, обнимая пожилую женщину Ху, плача и смеясь одновременно, да ещё похлопывая Чэн Ши и снова распекая его на все лады – отчего так поздно пригласили и почему так поздно приехали с бабушкой Ху! Чэн Ши немедленно выдал заготовленный ранее текст, сказав:

– В то время матушка была во власти гнева, если бы я привел людей сразу, то всем показалось бы, что у меня есть какие-то планы. Сейчас матушка не раздражена и понимает, что я все делаю исключительно ради того, чтобы матушка была счастлива, – матушка Чэн, услышав это, и впрямь еще более расчувствовалась, узнав, что Чэн Ши принял всю семью Ху, включая детей и внуков, к своим людям, и оставил бабушку Ху в своем окружении, чтобы она составляла компанию и была полезной в кое-каких делах, и только лишь тогда почувствовала, что сын действительно вложил душу.

Бабушка Ху в чужих краях терпела невзгоды несколько десятков лет и хорошо разбиралась в житейских вопросах, кроме того, была в состоянии развлечь, могла уговорить, а умением понимать ум и сердце матушки Чэн намного превосходила тетю Дун, выучившись этому с малых лет. Она уже познакомилась со слишком сильной госпожой Сяо и, естественно, понимала сама как следует говорить и вести себя.

Ещё более примечательным было то, что на протяжении всего этого дела госпожа Сяо, в полной мере показав смысленность, полностью сделалась невидимой, пока хлопотала по дому, успокаивала семьи умерших подчиненных, а оставшиеся мать и сын изливали свои чувства после разлуки: какое-то время сквозь сопли и слезы рассказывали о тяготах военных действий, немного погодя, разгорячившись, говорили о пейзажах снаружи, вдобавок бабушка Ху к месту поддерживала их, утирая слезы. Достаточно быстро мать и сын в итоге прямо-таки проявляли любовь, что драгоценнее золота, друг к другу.

Матушка Чэн также слушала, как бабушка Ху рассказывала о жестоких военных действиях на передовой линии фронта, о том, что у большого количества генералов не доставало рук и были сломаны ноги, немало было тех, у кого не было глаз или ушей, она дотрагивалась до старых ран на теле сына, и ее сердце-таки разрывалось от горя, и вот ей пришло в голову, что ее сыну было так тяжело, а ее брат Дун, находясь за его спиной, все равно собирался копать под своего племянника, загребая деньги нечестным путем, и ей очень захотелось сразу же срезать с младшего брата побольше мяса и сварить его для сына, поправляя его здоровье.

Несколько раз Гэ-ши пыталась зайти к матушке Чэн, чтобы немного поглазеть на госпожу Сяо, либо сталкивалась с Чэн Ши, который как раз в то время рассказывал истории и не стремился к тому, чтобы третье лицо вмешивалось в их общение, тогда мать и сын дружно закатывали глаза, либо только наталкивалась на матушку Чэн и бабушку Ху, предававшихся воспоминаниям о былых днях, и они ругались на нее, приходя в раздражение от ее появления.

Чэн Шаошан, разумеется, не знала конкретный ход событий. Ей было лишь известно, что отец семьи Чэн каждый день в сравнении с предыдущим становился все более и более радостным, пока однажды Чэн Ши прямо не сказал ей, что в семье появилась бабушка Ху; едва-едва понимая весь замысел, Чэн Шаошан не могла не сетовать про себя, ведь прежде госпожа Сяо была занята с мужем, зарабатывая тяжелым трудом имущество для семьи, большое дело – наиболее важное, было не до препирательств с матушкой Чэн и Гэ-ши, а тут в одночасье появилось свободное время, поэтому она приводила в порядок домашние дела или попросту сильно давила на невежественных женщин семьи, в любой момент находя решение их проблемам.

Встав рано в этот день, Чэн Шаошан разговаривала с улыбающейся А-Чжу, обрисовывающей ей планы на день «Сегодня вся семья будет обедать вместе», она сразу же почувствовала, что запахло окончанием войны.

Только после выпитого лекарства и трех кругов по комнате пришла госпожа Цин Ли, принеся новое шэньи с лакированной деревянной шкатулкой. Парчовое платье рисово-белого атласа сверху было заткано побегими цветков сливы красно-фиолетового оттенка, ворот и манжеты были обрамлены ярко-красным атласом шириной в четыре пальца, совершенно новое нижнее платье из тонкой хлопчатобумажной ткани было белоснежного цвета. Шэньи было широким, и Ляньфан вместе с А-Чжу взяли одевать Чэн Шаошан, тонкая красиво сотканная парча обхватывала ее кругами, и ее снова и снова подгоняли под темно-красный пояс шириной в четыре пальца, украшенный нефритами, даже не обладая зеркалом в полный рост, Чэн Шаошан была способна почувствовать роскошь одежды и украшений.

Только после этого госпожа Цин Ли сама стала расчёсывать волосы Чэн Шаошан, подойдя к нечеткому бронзовому зеркалу, девушка неясно увидела, как ей зачесывают волосы в красивый и очаровательный шуанхуань*, а сзади просто собрали ненужные пряди в хвост, тогда Ляньфан открыла лакированную деревянную шкатулку, и госпожа Цин Ли вынула пару ослепительно засиявших чистыми сполохами жемчужин и закрепила их с одной стороны на шуанхуане Чэн Шаошан.

*双环 shuānghuán в древние времена причёска молодых девушек, представлявшая собой пучок в форме двух колец.

А-Чжу посмотрела, слегка нахмутив брови сказала:

–Госпожа Цин, это...

Госпожа Цин Ли сказала усмехаясь:

–Не бойся, – затем опустив голову, обращаясь к Чэн Шаошан, промолвила: – Эти драгоценности, которые госпожа отдала четвертой барышне, она хранила очень долгое время, сейчас разрешено их надеть.

Поскольку Чэн Шаошан была еще очень молода, то обычно в ушах носила всего лишь пару легких цветов сирени, сделанных из золотистого шелка, а на запястье надевала браслеты из золотистых нитей с мелкими ярко-красными коралловыми бусинками. А-Чжу и Ляньфан с

Цяого, стоявшие рядом, не могли налюбоваться ее видом, дружно хваля на все лады.

Позже, идя по верхней галерее, она, закутанная в пестро-серую меховую накидку, ненавязчиво оглядывала всю округу. Этот дворик был невелик и с первого взгляда можно было увидеть внутренние ворота. В ее душе все больше проявлялось недоумение, видя такие роскошные украшения и одежду, почему же резиденция такая маленькая, неужто здесь на дома заоблачные цены?

Не пройдя и пятидесяти-шестидесяти шагов, она вскоре подошла к месту, где проживала матушка Чэн. Ляньфан, прислуживая Чэн Шаошан, поднялась и открыла ей путь, помогла снять тяжелую меховую накидку, в белоснежных полотняных носках девушка ступила на темно-красный лакированный пол, отчего ее ступня стала казаться еще более хрупкой. Люди той эпохи ели еду, подаваемую порциями, как правило, для каждого человека был предназначен отдельный столик. В главной зале все столики были расставлены секциями в два ряда, Чэн Шаошан подняла голову и увидела, что все уже собрались в полном составе, а сама она была последней, сразу же смутно себе представила, что это может принять дурной оборот.

И впрямь, сидевшая с левой стороны в третьем ряду «хорошая тетушка» Гэ-ши не сдержалась, в этот самый момент все услышали как она сказала визгливым голосом:

-О! Старшие уже все здесь, лишь тебя одну, четвертая барышня, ожидаем. В прошлые дни тетя учила тебя, как важно быть вежливой, проявлять почтительность к родителям и старшим братьям, сегодня...

Но ее нетерпеливо перебила, сидевшая на верху, на самом почетном месте по середине, матушка Чэн невежливым голосом сказав:

-Ты бы поменьше болтала, здесь, исключая самых маленьких, каждый человек в сравнении с тобой старший, мы даже не открыли рот, тебе-то какое дело!

Матушка Чэн происходила из крестьянской семьи и высказывала все без обиняков, в былые времена, когда она стыдила госпожу Сяо в присутствии посторонних, то это приводило к тому, что та попадала в отчаянное положение, в то время Гэ-ши крайне нравилось слушать, как матушка Чэн бранится, ныне же подобное упало ей на макушку и оказалось не очень-то и приятно.

А-Чжу торопливо повела Чэн Шаошан, поддерживая ее, когда она припадала к полу ничком, отдавая дань уважения по порядку старшему поколению: сначала матушке Чэн, в центре, на главном месте за парадным столом; только после чего кратко поклонилась сидящему на месте сбоку от нее дяде Дуну; затем находившимся с правой и с левой стороны на главных позициях Чэн Ши и его жене, а после отдельно от них, с правой стороны во втором ряду младшему двоюродному брату Дуну, Чэн Шаошан следовало называть его дядюшкой; затем были с левой стороны сидевшая на второй позиции Дун Люй-ши, которая не дождалась, пока Чэн Шаошан закончит выполнять долг вежливости, улыбаясь, встала со своего сидения и, со смешком дернув Чэн Шаошан, сказала:

-Няоня выросла – любо посмотреть! В обычный день не всегда можно это осознать, но последние несколько дней старшая невестка заставила привести тебя в порядок и нарядиться, и на удивление ты стала другим человеком!

У Чэн Шаошан кружилась голова от поклонов, поэтому она не отреагировала, но другие смысл высказывания Дун Люй-ши поняли, Гэ-ши выпрямилась, недовольно сказав:

-Это еще что значит, говоришь, что я обычно дурно отношусь к четвертой барышне?

Дун Люй-ши оглянувшись назад, мельком взглянула на госпожу Сяо, сказала смеясь:

-Вторая невестка много домысливает, я только говорила, что четвертая барышня встретилась после долгой разлуки со своими родителями. Когда человек радостен, душевные силы прибывают, а внешность улучшается!

Гэ-ши возмущенно села, откуда ей было знать, что Дун Люй-ши, садясь на свое место, была способна сказать «шепотом» так, чтобы это было слышно всем:

-Бедная девочка, очевидно, что ее собственный отец рисковал своей жизнью вне дома, чтобы преподнести ей богатые одежды и драгоценности, и каждый раз, я сама видела, ей только и оставалось подбирать оставшиеся наряды после других.

Как только эти слова прозвучали, Гэ-ши, а равно и сидевшая с прямой спиной девушка на последнем по старшинству месте на банкете, покраснели, Чэн Шаошан потерла лоб, ей сразу же пришло в голову, что Гэ-ши, конечно, все ценные вещи, присланные отцом Чэном, несомненно забирала себе, но прежде, чем она дальше могла продолжить размышления, А-Чжу остановила ее около второго дяди – Чэн Чэна и Гэ-ши приветствовать их в порядке очереди, Гэ-ши затряслась так, что даже не смогла заговорить.

За последним по старшинству месте было три сиденья, в центре расположилась Чэн Шаошан, с правой стороны сидела все еще красная от смущения девушка, а с левой – белый тучный мальчик, бывший в состоянии по своим летам как следует пользоваться палочками для еды и только. Эти двое были увешаны драгоценностями и в нарядах, приличествующих богатой и могущественной семье. У девочки была светло-желтого цвета кожа, густые брови и большие глаза, и только удрученное выражение лица, дрожь и сконфуженность говорили, что, похоже, условия ее жизни были еще более тяжелыми по сравнению с Чэн Шаошан.

В это время прислуга непрерывной чередой входила в зал, один за другим, возле каждого столика подавали кушанья на обычных маленьких бамбуковых циновках: один кусок прожаренной на огне свинины – от нее аромат разлился на всю комнату, один кусок жирной курицы, приготовленной на пару с зимними ростками бамбука, одну порцию похлебки из оленины, отдельно пара штук соленых овощей с зеленью. Наверху, за главным столом, еще было вино, а за столом Чэн Шаошан, им троим всего лишь подали в чайничке свежеприготовленное рисовое молоко, правда, горячее и благоухающее.

Дядя Дун поднял сделанную из японского лакированного дерева двуручную чашу, и обращаясь к Чэн Ши сказал:

-Эту первую чашу вина я поднимаю прежде за уважаемого племянника, на сей раз я был в состоянии благополучно вернуться лишь за счет племянника, я, я...

Чэн Шаошан бросила украдкой взгляд, в этот самый момент увидела, что дядя Дун и матушка Чэн были очень похожими – оба монументально тучные, с важным видом, только кажется, что он недавно чрезмерно и основательно похудел за короткое время, кожа на щеках и теле обвисла; он крайне боялся Чэн Ши и не осмеливался прямо смотреть на племянника, оттого заикался.

Во взгляде Гэ-ши сверкнула молния, и она насмешливо сказала:

-Почему мне кажется, что дядя напуган? Мы все здесь родичи, к чему так бояться.

Госпожа Сяо смотря на нее, не спеша сказала:

-Тюрьмы северной армии крайне не комфортабельны, пусть и приняли просьбу господина повременить с наложением взыскания, однако на глазах у дяди других за аналогичное преступление забили батогами до смерти, дядя, видимо, заболел от испуга.

Как только эти слова прозвучали, дядя Дун даже чашу с ушками, наполненную вином, и ту не удержал. Действительно, Чэн Ши, когда вел его за собой наружу, сознательно весь путь проходил мимо одиночных пыточных комнат, внутри под душераздирающие крики применялись разного рода пытки – под скрежет костей, хлеща кнутом, вырывали мясо, и рассматривая это во всех деталях, дядя Дун почувствовал, как его ноги обмякли, и вышел наружу, едва не потеряв сознание.

Гэ-ши не представляла, что на это ответить, и Дун Люй-ши торопливо сказала:

-Все-таки поблагодарим генерала, иначе свёкор неизвестно сколько терпел бы муки, – и с этими словами бросила взгляд на противоположную сторону – на своего мужа, младший двоюродный брат Дун поспешно поднял свою чашу и, обращаясь к Чэн Ши, выразил благодарность.

Младший двоюродный брат Дун обладал именем, весьма знаменитым в актерской среде, Дун Юн, родившись с часто встречающейся внешностью героя-любownika, каким его изображают актеры, с туманными неопределенными намеками глазами, он явно потворствовал алкоголю и сексуальным забавам, о чем красноречиво говорила дряблая кожа лица; и, выражая признательность, тайком поглядывал исподтишка на госпожу Сяо.

Чэн Шаошан внезапно развеселилась, подумав про себя, – неужто товарищ Дун Юн полагает, что все другие люди – слепцы, неужели не видит, что у Чэн Ши глаза стали непропорциональными, как у камбалы, из-за взглядов двоюродного брата на его жену.

На другой день товарищ Дун Юн по дороге получил хорошую взбучку от неустановленных лиц, пролежав в постели несколько месяцев, впредь более не приходил в резиденцию Чэн.

Закончив пристально смотреть на Дун Юна, Чэн Ши также поднял чарку, выпив залпом, сказал:

–Дяде следует впредь наслаждаться безмятежной жизнью, в будущем тщательно смотреть за домом, пашнями, лавками, и беззаботно жить.

Нервничая, дядя Дун спешно сказал:

–Как можно сейчас допустить это? Ведь говорится, что родные братья охотятся вместе на тигров, а начать сражение нужно со сплоченным войском, племянник, теперь этих выражений стесняются, но ты на чужбине старался изо всех сил, сражаясь на смерть, зачем мне спокойно наслаждаться безмятежностью, так как я тоже задолжал в помощи...

Чэн Ши, слушая его пустую болтовню, не выдержал, смотря со значением прямо на матушку Чэн, а очевидно последние несколько дней мать и сын общались чрезвычайно успешно, и матушка Чэн, хлопнув по столу, грубо сказала:

–Быстро закрой рот! Мой сын в прошлом только-только взял оружие в руки, почему же в то время не было видно этих родных братьев, убивающих тигра? Мой сын работал как вол, почему же в то время не было заметно тебя, сражавшегося в сплоченном войске? Моему сыну было бы легче, если бы ты помогал чуть меньше!

Дядя Дун с изумлением смотрел на собственную старшую сестру, сказал:

–Старшая сестра, ты, ты...

Он посмотрел на Чэн Ши и его жену, очень хотел сказать: «Старшая сестра, если бы я самоотверженно не помогал тебе, ты бы халатно сражалась со своей невесткой», однако перед лицом всей семьи нельзя легко говорить напрямик, поэтому он закатил глаза, искрясь улыбкой, сказал:

–Старшая сестра, ты чутко относишься к младшему брату, только племянник с женой с утра до вечера усердно трудятся. Старшая сестра, вы обычно стремитесь послушать немного о забавных случаях. Кто же будет приезжать и рассказывать их?

Матушка Чэн с каменным лицом сказала:

–Со временем, когда я буду свободна от дел, попрошу племянницу и сноху прийти сюда поговорить, вы же оба – отец и сын – в конце концов взрослые мужчины, женщинам в резиденции неудобно, когда вы постоянно входите и выходите, в будущем, если ничего не случилось, не стоит нас навещать, – смотря как бабушка Ху разносит палочки для еды и ложки, добавила к сказанному. – В доме, если по делу, подзови Люй-ши, короче говоря, вам двоим не нужно приходить сюда. Ши`эр поднимается по чиновной иерархии, в доме нельзя не уделять серьезное внимание некоторым правилам, ни в коем случае нельзя, чтобы было то же самое,

что и в деревне: без стеснения младший брат матери, и старшие и младшие братья беспорядочно бродили по дому.

Дядя Дун потерял дар речи, устремив взгляд на свою невестку Люй-ши, сказал свирепо ругаясь:

–Ах, ты сучка, что ты наговорила старшей сестре! – Дун Юн внезапно поднялся со своего места, засучив рукава, хотел подойти и дать пощечину Люй-ши, но сидевший сбоку Чэн Ши, не двигаясь с места, протянул руку и подтащил Дун Юна к себе, не различая где у него что, повернул и придавил, прижав руку Дун Юна к полу, а затем шевельнул другой рукой так, что все услышали звук удара, и лицо Дун Юна сразу же опухло и стало подобно свиной голове.

Чэн Ши холодно сказал:

–Это семья Чэн, не следует тебе хвастаться здесь своей силой, – при этом он пристально смотрел на дядю Дуна.

Чэн Шаошан про себя подумала: "Нечего сказать, мать и сын из одного теста, один ругает другого, а если разозлятся, то бьют при каждом удобном случае совсем не мягко...".

У всех на банкете было разное выражение лиц: матушка Чэн, развернувшись, изображала, что ничего не видит и ничему не придает значение, дядя Чэн, второй сын дедушки Чэна, склонил голову, ничего не замечая, о чем-то размышлял про себя, действительно ничего не видя или в самом деле ничего не имея против, дядя Дун, дрожа всем телом, пристально смотрел на Чэн Ши, Дун Люй-ши закрыла лицо рукавом, но уголки ее рта немного приподнялись в улыбке, госпоже Сяо всё было нипочем, только лишь Гэ-ши и сидевшие на последних по старшинству местах дети смотрели, вытаращив глаза и открыв рот.

Госпожа Сяо пригубив чарку с вином, грациозно опустив ее, сказала:

–У дяди и у младшего двоюродного брата весьма внушительный вид, не зная ничего, посторонний может принять вас за хозяев в семье Чэн, – повернувшись к Люй-ши, тепло сказала: – Свекрови в обычные дни одиноко, тебе следует чаще приходить сюда, чтобы составить ей компанию.

Дяде Дуну стало ясно, что Чэн Ши с женой все спланировали, поэтому он сразу же кинулся на землю, говоря сквозь громкий плач:

–Старшая сестра, тебе стал безразличен твой младший брат? Неужели, старшая сестра, ты забыла, что перед тем, как батюшка скончался, ты дала кое-какое обещание? Оказалась ли ты достойна батюшки?

Каким же образом этот маленький трюк сможет расстроить планы госпожи Сяо? Матушку Чэн уже давно обучила, что следует говорить, бабушка Ху, поэтому она возразила:

-Разве я не смотрю за тобой? Сейчас ты одеваешься в парчу и тонкий хлопок, ешь деликатесы, распоряжаешься слугами, прислуживающими тебе, где уж там батюшке в свое время так хорошо жить? Сравни с тем, что было прежде! Разве я оказалась недостойна батюшки?

Дядя Дун, заикаясь, с трудом подбирая слова сказал:

-Однако, старшая сестра, вся в шелках, и более того...

-Какое еще более того?! - прервала матушка Чэн и сказала: - Сегодня счастливая жизнь семьи Чэн - это кровь моего сына в пламени войны, убивающего врагов своими руками, и какое ты имеешь к этому отношение? Если бы ты был готов стараться и вложил бы немного своих сил, то сейчас ты был бы способен жить так, как я!

Дядя Дун все же расплакался, и с гневным возмущением сказал:

-Старшая сестра, ты вся увешана драгоценностями, а младший брат только и может доживать свою жизнь немного лучше, чем в крестьянской семье?

Чэн Шаошан, слушая позади, радовалась, думая про себя, - чудно, что в большой семье Дун исходная точка такая низкая, однако возможности явно большие.

Матушка Чэн хлопнула деревянными палочками для еды, сверля его гневным взглядом сказала:

-Не иначе, как мне следует отдать половину складов семьи Чэн тебе? - она еще может поддаваться добрым словам, но не угрозам, предположим, что младший брат хорошо подогрел бы свои слова просьбами, и тогда вполне возможно было бы создать переломный момент в этом деле, к сожалению, дядя Дун использовал ошибочный способ. Матушка Чэн, сильно ругаясь, сказала: - За все эти годы ты ел в семье Чэн и пользовался семьей Чэн, а сейчас еще думаешь хвастаться богатством семьи Чэн, разве не в этом дело?! Ты бы разобрался прежде, ты из семьи Дун, я - жена в семье Чэн, пусть мы и родные брат и сестра, но прародители наших семей разные. Я ни в коем случае не могу относить тебе все из семьи Чэн и помогать тебе, - Матушка Чэн говорила это грубо, прямо в лоб, тем не менее результат был хорошим, дядя Дун пришел в замешательство.

Чэн Ши был весьма удовлетворен выступлением своей пожилой матери, все его бородатое лицо, обращенное в сторону матушки Чэн, выражало милую улыбку, Чэн Шаошан невольно затряслась, матушка Чэн однако чувствовала себя в высшей степени довольной и становилась все более и более оживленной.

Дядя Дун в замешательстве, уже уставший, спешно сформулировав речь, покорно сказал:

-Старшая сестра сказала так, но как же я осмелюсь поблизости от племянника показывать властность? Вот только сейчас племянник еще сильнее стремится вверх, а я, я... - говоря, беззвучно заплакал и промолвил: - Я только и думаю коснуться немного света, кто же зовет

своего младшего брата, меня, ни на что негодным, не образованным ни в письме, ни в военном деле, в будущем будет поистине стыдно, когда я увижусь с бабушкой...– остановившись здесь, снова расплакался.

Смотря на признавшего поражение младшего брата, матушка Чэн не вытерпела, госпожа Сяо тихонько посмеялась, немного наклонившись к Дун Люй-ши, с теплотой сказала:

– Немного погодя, приведи с собой детей, когда придешь навестить меня, десятилетие прошло, а я не представляю как они сейчас выглядят.

Чэн Ши спешно подпел ей: – Верно-верно, когда приходит время учиться читать, следует учиться читать, когда следует искать работу – следует искать работу, не нужно учиться у их дедушки и отца, известных лишь тем, что любят жить в праздности и ненавидят труд, воруют и вероломно хитрят!

В душе Дун Люй-ши колебалась, ей лучше бы жить с мужем, чем без него, но сейчас все помыслы ее души и энергия были сосредоточены на детях, и после этих слов Чэн Ши и его супруги, где было это видано, чтобы она не повиновалась?

Матушка Чэн терпела, но обратила внимание сказав младшему брату:

– Ладно тебе плакать, в твоих летах уже понимают веление судьбы, большую часть жизни проведя бездарно, неужели состарившись, еще можешь внезапно измениться? Тоже верно и для племянника Юна, ясно же, если бы был полон решимости, ждал бы он сегодняшнего дня. Уж коли вы бесполезны, в таком случае и живите без стремлений и скромно, не нужно целыми днями не оставлять мысли поживиться от души, полагая, что племянник своей репутацией сможет третировать чужих людей, обернись же – ты навлек беду на семью Чэн. Спешно наставляйте детей важному, только в этом случае ты не посрамишь бабушку!

Дядя же Дун в настоящее время не представлял, что ему следует сказать.

Смотря как шевелятся губы младшего брата, как будто он все еще не смирился, матушка Чэн немедленно сказала:

– Тебе не следует целыми днями дурачить меня цветистыми речами. В прошлой династии настолько... Какая-то, какая-то вдовствующая императрица... разве не все время поддерживала материнский дом? В результате оказывая денежную помощь снова и снова, управляла домом мужа, целиком всю страну отдала племяннику из своего материнского дома, этим создав абсолютный беспорядок во всем в мире, сколько семей пострадали и потеряли все! Только в конце она поняла и раскаялась, но опоздала, на мой взгляд, она смогла хоть как-то удержать лицо, раз встала и ушла!

Чэн Шаошан изумилась: вай-вай, есть еще такая необычная мать императора, почему мне не известно? Только тогда вспомнила, что сама выделяла лишь без каких-либо гуманитарных примесей естественно-научные и технические дисциплины, уроки истории и тому подобные, кажется, она вот уже несколько жизней не посещала.

Из знаменитых вдовствующих императриц она знала лишь Цыси* и У Цзэтянь**, плюс к этому немного о Сяо Чжуан***. Прикидывая в уме, что Сяо Чжуан не была в состоянии кому-то чего-то отдать, потому что она была наставником своему внуку, нда! Если бы Цыси, управляя страной, отдала ее своей материнской семье, как бы поступили с ней великие мировые державы? Разве возможно, чтобы речь шла об У Цзэтянь? Чэн Шаошан с сомнением опустила голову, чтобы посмотреть на свою грудь, в таком случае отчего воротник такой высокий, грудь нисколько не обнажена, танская одежда**** настолько консервативна? Пусть даже ее собственная грудь плоская, в конце концов госпожа Сяо с ее волнующими формами даже на чуть-чуть не обнажается.

*西太后 cǐ xī Цыси – (1835 –1908 гг.) – вдовствующая Великая императрица цинского Китая, с 1861 по 1908 сосредоточившая в своих руках верховную власть. Наложница императора Ичжу (правил под девизом «Сяньфэн»), потом вторая жена (после рождения Цзайчуня – наследника престола).

Регентша в 1861–1873 гг. (при малолетнем сыне Цзайчуне) и в 1875–1889 гг. (при малолетнем племяннике, императоре Цзайтяне). С 1898 г., в результате государственного переворота, вновь сосредоточила всю власть в своих руках.

**武则天 wǔ zétiān – У Цзэтянь (624–705 гг.) – китайская императрица, правившая Китаем на протяжении сорока лет, с 665 года до своей смерти.

У Цзэтянь появилась в императорском дворе как наложница китайского императора Тай-цзуна, династии Тан. После смерти императора попала в гарем, а затем получила титул супруги его сына – императора Гао-цзуна. Когда Гао-цзун скончался, она долгое время правила страной, меняя на троне своих сыновей, пока в 690 году не заняла трон самолично, отстранив от власти своего сына Жуй-цзуна. Получив власть, она провозгласила новую династию У Чжоу.

***孝賢皇后 xiào zhuāng – Сяо Чжуан (1613–1688 гг., супруга цинского императора Хунтайцзи вдовствующая императрица в 1643–1688 гг.). Более известная в истории, как императрица Сяочжуанвэнь (昭祖后), личное имя – Бумбутаи, дочь Дзайсан-нойона из монгольского рода Борджигин.

****женская одежда присущая династии Тан была более открытая, яркая, прозрачная и воздушная, не возбранялись открытые руки и глубокие декольте у женщин.

По сравнению с этой невезучей вдовствующей императрицей матушка Чэн чувствовала себя, прямо говоря, весьма знающей меру и чрезвычайно довольно сказала:

-Была жена из третьей ветви семьи Дунлюй, также целыми днями покрывавшая недостачу в материнской семье, в то время пребывавший в семье Дунлюй господин Ван рассказывал потом, что собирался заниматься со святым Янем и оставалось только захватить одного личного ученика мастеру, она же внезапно и тайком отправилась к племяннику в родительскую семью, ох! Неужели такая большая семья Дунлюй не отыскала бы одного смышлёного паренька. Ее собственные двое сыновей как раз были весьма способными в учении, в дальнейшем, кстати, в

ее материнской семье были те, кто учился на чиновников, а семья Дунлюй наоборот собиралась подхалимничать. Фр-р, истинно следует всем замужним женщинам в мире знать об этом!

С этими словами матушка Чэн с умыслом посмотрела долгим взглядом на госпожу Сяо, откуда ей было знать, что госпожа Сяо с непринужденным видом пропустила ее слова, зато Чэн Ши неловко вымолвил:

–Мать, что ты такое говоришь! – ему предшествующую историю госпожа Сяо велела рассказать матушке Чэн, потом уже матушка Чэн самостоятельно полностью раскрыла ее: – Предположим что племянники действительно перспективные, я считаю правильным помогать им в будущем. Тем более, разве семья Дунлюй ошиблась?

Матушка Чэн просверлила его гневным взглядом, сказав:

–Конечно, они искушали судьбу, играя судьбами потомков, явившись к тебе в подчинение, чтобы убивать собственными руками, таким образом вылезти в официальный чин! Разве это может сравниться с тем же, что сидеть за книгой в своем комфортном жилище и служить чиновником!

Чэн Шаошан с удовольствием слушала разговоры, и если бы не боялась быть отруганной, она бы хотела спросить только одно - «Что же случилось потом с той женой, которая сотрудничала с противником?».

Матушка Чэн, все более уверенная в себе с каждой речью, повернувшись к дяде Дуну, сказала:

–Ты и прочии, еще раз подумайте о всех этих вещах, в этот раз ты крал обозами у армии, навлек на своего племянника немало бед, почему ты все еще думаешь продолжать втягивать его в неприятности? Ты приходишь наживаться и жить счастливо, а мой сын подвергнется наказанию и уйдет сражаться на смерть! Какая благотворительность! Ого! Да ты мнишь себя предком семьи Чэн, словно мы не можем не возложить тебе жертвенные дары!

При этих словах в отношении отца Дун и его сына уже несомненно в целой зале царил тишина, только лишь Дун Юн, закрыв ладонью лицо, легонько постанывал. Чэн Ши испытывал сильное удовлетворение, повернувшись к отцу и сыну Дуну, безжалостно сказал:

–Если меня позовут и я пойму, что Люй-ши получила травму, я сделаю то же самое с вами обоими!

Чэн Ши уже много лет отчаянно сражался в море крови, теперь пришел в ярость с нешуточной силой, эти отец и сын из семьи Дун были слабаками, услышав, могли только соглашаться, Чэн Шаошан в сердце громко кричала «браво», все эти воплощенные идеи были гениальными, уследили за теми и за другими – все идеально; ничего сделать и ничего сказать уже никто не мог ни внутри дома, ни снаружи.

Чэн Ши устремил взгляд на отца и сына Дун, и тяжело сказал:

-Все поняли услышанное? – Дун Юн, располагавшийся поблизости, больше всего боялся, что его снова побьют, второпях закивал головой, соглашаясь, дядя Дун хотел подождать, но поспешно кивнул головой.

-В таком случае ешьте! – гаркнул Чэн Ши, отец и сын Дун спешно вернулись на свои места и взялись за деревянные палочки, и словно кролики стали поглощать еду.

Все люди также взяли за свои палочки и принялись есть, лишь сидящая за своим столиком Гэ-ши испытывала беспокойство. После того, как ранее несколько дней назад изгнали тетю Дун, она неясно чувствовала, что все и целиком не в порядке, матушка Чэн как будто достигла взаимопонимания с госпожой Сяо, последние несколько дней время от времени встречаясь, свекровь с невесткой не доказывали свою правоту друг другу, не говоря уже о том, чтобы самим поссориться, только лишь сейчас об этом спрашивать неудобно и не было никого, кто бы обратил внимание.

Она посмотрела на супруга, сидящего на противоположной стороне, устремила свой взор на почетное место – на матушку Чэн, во время этой перебранки, подобной буре, она даже не могла вставить словечко, тем более это касалось происшествия, затрагивающего семью Дун, полученная оплеуха все еще тупо болела.

Терпела-терпела, и видя, что атмосфера стала смягчаться, Гэ-ши все же не удержалась и с деланным смехом сказала:

-Свекровь...

Чэн Шаошан развеселившись как довольная крыска: иди, иди, давай, напрашивайся на побои.

Неожиданно прежде, чем Гэ-ши успела договорить, ее перебил Чэн Ши, сказав:

-Сегодняшний пир, во-первых, должен успокоить страхи дяди, во-вторых, у меня есть хорошие новости.

Оборвал просмотр начавшийся было хорошей потехи! Чэн Шаошан, приходя в раздражение, подумала: "Какое радостное событие? Неужто ты хочешь взять себе наложницу?".

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2659097>